

Односельчане о Чурочкиных

Работа над родословной нашего рода познакомила меня со многими интересными людьми. Одним из таких оказался житель Долгопрудного (Московская область), уроженец Кермиси Сергей Тихонович Редичев - ветеран Советской армии, который любезно согласился поделиться своими воспоминаниями о жизни в селе в 1930-40-х годах. Материал написан живым языком, на основе личных воспоминаний, достаточно интересный. Поэтому при подготовке этой работы было принято решение включить его воспоминания в настоящее издание.

Повествование о Кермиси 30-40-х годов XX века.

Как отрадна для души
Память прежних дней!
Я храню ее в тиши -
Грусть и радость с ней.

Н.В. Станкевич

Наша семья до 1936 года жила в Нахаловке, на Шашкиных выселках, в развилке дорог на село Шарик и Громову мельницу. Здесь стояли три избы: наша и две - Шашкиных: дяди Сани и дяди Мелехи. Здесь в 1928 году я родился, и здесь прошло мое босоногое и беспорточное детство.

Нахаловка располагалась по правому берегу реки Кермись, окнами на село, от Кучера в сторону Шарика. Вот здесь, во втором или третьем доме жили Чурочкины: Ефим Иванович - глава семьи, его первая жена, мне помнится, тетка Пелагея, умершая от кустарной попытки прервать беременность, ведь в семье уже было шесть ртов.

Жили они очень бедно даже по сравнению с нами и другими нахаловцами. Время-то было какое! В результате сплошной коллективизации у крестьян отняли всю землю, кроме огородов, где разрешалось сажать только картофель и овощи, а кто тайком высеивал что-то, то при обнаружении всходов советская власть немедленно запахивала всходы под вопли голодных ребятишек и их кормильцев - родителей.

Были изъяты лошади и весь инвентарь для их эксплуатации: сбруя, телеги, сани и др. Люди старались припрятать что-то, а если у них находили припрятанный инвентарь, то без суда и следствия хозяин становился врагом народа или кулаком, и в этом случае у него все изымали, как говорится, под метелку.

При живой матери жизнь еще как-то теплилась, а когда Ефим Иванович привел в дом мачеху тетку Фиму, то детям не уделялось никакого внимания. Особенно тяжело жилось Пете. От рождения олигофрен, или, как попросту называли, «простой» или дурак, он испытывал, с одной стороны, неприязнь родных братьев, а с другой, получал непосильные поручения от мачехи. Его можно было видеть зимой во дворе почти разутого, босиком готовящего дрова, а при входе в дом ему не давали погреться у печки, заставляя еще что-то делать.

А в это время Ефим Иванович с новой женой блаженствовал на печке. Все это приходилось видеть, когда я заходил за Васей по пути в школу. И таких семей, обнищавших мгновенно в результате сплошной коллективизации, было немало, а колхоз «12 лет Октября» кермисинцы называли «12 лет голодовки».

В то же время в этом доме один из старших сыновей Ефима Ивановича занимался радиолюбительством, смастерил детекторный приемник, что привлекало соседей зайти к Чурочкиным. Мой отец также посещал Чурочкиных, а с ним увяливался и я, чтобы послушать из наушника далекие голоса.

Семья постепенно деградировала. Старшие братья (имен я не помню) куда-то подались и об их судьбе мне ничего не известно. Петя в подростковом возрасте умер. Ефим Иванович каким-то образом перед войной перебрался в Москву, и в этом нет ничего удивительного. Люди бежали из села куда глаза глядят, а уж Москва белокаменная всегда привлекала и принимала людей, как, между прочим, и в наши дни.

В 1960 году я находился в Москве в длительной командировке и в свободное время стремился через справочное бюро найти земляков, среди которых

Односельчане о Чурочкиных

были и Чурочкины, Ефим Иванович с семьей: тетя Фима, Нюра и Вася. Жили они на улице Октябрьское поле, недалеко от станции метро «Сокол».

За бутылкой «чая» мы вспоминали о Кермиси и ее жителях, оставшихся в живых после страшной войны, а когда я рассказал, что служу в армии, капитан, то они задавали много вопросов о том, как это произошло и т.д. и т.п.

В 1936 году наша семья по настоятельной просьбе мамы переселилась на Грязновку, что было весьма дальновидным поступком с ее стороны, а отцу не хотелось бросать обустроенную усадьбу, хотя он и не возражал жить на селе. Как говорила мама, среди людей, а тут на выселках надоели волки.

Мы купили домик у Василия Федоровича Жильцова (уличное прозвище «Жилец»), а нашу избу купил Чурочкин Степан Григорьевич, живший раньше на Грязновке, о семье которого я расскажу потом, когда буду писать о Чурочкиных на Грязновке.

Переселившись, мы оказались рядом с близкими родственниками, на красивой улице, особенно в теплое время года, близко от школы, в которую ходил я и готовились сестренки. С переездом на Грязновку нашими соседями стали новые люди, среди которых несколько семей Чурочкиных. Через два дома от нас, на самом берегу реки жила бабушка Марья, по уличному Аверкина (по прозвищу «Рябочка»), в большой избе-пятистенке, и, мне кажется, однодинешенька.

Бабушка Марья была набожной, ходила в темных одеждах, была дружна с нашей семьей, утешала маму, когда пропал без вести наш отец Тихон Николаевич. Ее добродушие, тихий спокойный говор вносили покой и стремление к жизни нашей маме, оставшейся вдовой в тридцать пять лет с пятью детьми, из которых я был старшим.

Я также узнал, но значительно позже, что у бабушки Мары был сын Николай, живший на Бабакино и работавший в лесничестве.

Периодически у нее проживал кто-то из приезжих, из которых я запомнил Алексея Федоровича Полозкова, преподавателя русского языка и литературы. Молодой специалист недолго поработал у нас и с началом войны был мобилизован на фронт, а потом вернулся опять в школу, с «пустым рукавом», и некоторое время директорствовал, иногда дарил мне тетради, которые в годы войны были большой редкостью.

И не удивляйтесь, мы все равно писали сочинения... на книжных страницах, между строк, чернилами, изготовленными из печной сажи.

Пойдем вдоль по улице Грязновке, от реки в сторону Инделя и остановимся у избы Чурочкиных Григорьевичей, Степана и Афанасия, живших рядом, с одной стороны с Полозковыми, а с другой с Мохначевыми (Абакумовы по-уличному). Изба невеликая, а в ней ютились Степан Григорьевич, уже семейный, Афанасий Григорьевич и их сестра Евдокия («Рябая»). Их родителей я не знал, может быть, к нашему переезду на Грязновку их не было в живых.

К моменту нашего переезда в семье Степана Григорьевича и Веры Сергеевны было несколько детей, четверо или пятеро. Я же запомнил только Сергея, моего ровесника, у которого было прозвище «дед», видимо, за его солидный вид и поведение, не по возрасту степенное. То обстоятельство, что В.Ф. Жильцов продал свой домик на Грязновке нашей семье, позволило Степану Григорьевичу приобрести нашу благоустроенную усадьбу на выселках в Нахаловке.

Можно предположить, что Чурочкинам не очень хотелось покидать Грязновку, поменяв село на выселки, но родственные отношения сыграли свою роль: родная сестра моего отца, Елизавета Николаевна, была женой Василия Федоровича. Впоследствии Чурочкины С.Г. и В.С. перетащили все постройки в середину Нахаловки, а после войны, оставшись без хозяина, и вовсе покинули Кермись. Степан Григорьевич вскоре после моего отца в 1941 году ушел на войну и погиб в боях за Родину.

На правах младшего в домике на Грязновке остался Афанасий Григорьевич и сестра Евдокия Григорьевна. В годы войны в боях за Родину он лишился ноги, работал на пчельнике за Осмолем. Запомнился эпизод, связанный с ним в конце войны. В годы войны, во время летних каникул меня, как и других ребят, обязывали работать в колхозе. В один из дней на поле за Осмолем я па-

Односельчане о Чурочкиных

хал на паре лошадей, и вдруг ко мне пожаловал Афанасий Григорьевич, ковыляя на деревяшке, выструганной из липового полена. Поздоровавшись, он попросил в конце дня подвезти сено, накошенное вблизи пчельника, к его дому на Грязновке.

Я не смог отказать инвалиду войны и выполнил его просьбу. Разгрузив сено, я собрался ехать, как ко мне подошел Полозков Петр Иванович («Чугун»), угрожая костылем (он тоже был инвалидом войны). Я в ответ ему показал «ковес» (кнут из сырой кожи), после чего он отступил, но, используя председательскую власть, снял с меня десять трудодней. Хотя эти «палочки» в ту пору мало чего стоили, мне было обидно, а мама плакала, ругая «Чугуна» по-бабьи: «анчихрист, супостат» и т.п.

Петр Иванович был мне крестным, жена его Анастасия Ивановна приходилась родной сестрой маме. Справедливости ради следует отметить, что он был примерным председателем, принципиальным, настоящим хозяином. Но таких руководителей недолюбливала Советская власть и при первой возможности освобождалась от них.

Из детей Афанасия Григорьевича я встречал одну из дочерей, если не ошибаюсь, Александру Афанасьевну, по мужу она Преснова, живут в Спасске, оба работают в Кермисинской школе.

Ну и наконец, из Чурочкиных в этом семействе о Евдокии Григорьевне, которую звали просто Дусей, очень скромной, тихой старой деве. Кажется мне, что перед войной моя крестная (родная сестра отца), Прасковья Николаевна Теленкова пригласила Дусю в Москву, прожив там уже много лет, работая уборщицей, прачкой, а в годы войны она возглавила какой-то отряд по борьбе с диверсантами, с зажигательными бомбами и по охране какого-то микрорайона.

Вместе с Дусей они уехали и жили дружно, работали, а после смерти крестной Паши (Прасковьи Николаевны) Дуся вернулась на малую родину и работала домработницей у состоятельных людей, в частности у главного агронома.

А вот и заветный мосточек через Индель, где по левую сторону улицы (мы шли от реки) на берегу стояла изба Чурочкина Михаила Яковлевича. Он был для нас, подростков, советником, наставником, учителем во всех крестьянских делах, которые мы должны были выполнять в колхозе во время летних, а иногда и зимних каникул, рядом с дедушками и женщинами.

Уже в 1942 году меня мобилизовали на сенокос в Борковские луга. Косарями были дедушка Миша, дедушка Иван Полозков (получил прозвище «Фука»: он не мог из-за отсутствия зубов выговорить слово «суха»), дедушка Вася Светлаков, живущий напротив, в кирпичном доме, который сохранился до сих пор, а также женщины и мы с Сергеем Памшевым.

Под руководством дедов мы строили балаганы, чтобы в первый же день подготовиться к ночлегу на новом месте, а с рассветом уже косить. «Коси, коса, пока роса!». Полуголодные, но с хорошим настроением, мы старались не отставать от старших, закаленных жизнью дедов, которые видели, какие мы еще жидкие для такой тяжелой работы, и приговаривали: «Сергей, потачивай, потачивай!». Видимо, было заметно, с каким трудом я замахиваюсь косой, чтобы свалить добрый травостой, но не сдавался.

Дедушка Миша через день-другой мне предложил выкашивать неудобины в кустах, по берегам озерков, где можно было перекохнуть, не нарушая общий ритм косьбы в группе косарей. Не ладилось у женщин с настройкой, точением кос, и деды меня прикрепили к женской группе, где я ладил косы, отбивал и точил, за что женщины меня хвалили, целовали, заставляя краснеть от такого внимания.

Помню, как Михаил Яковлевич, увидев у меня косы с клеймами «винт», «коса», «замок», долго любовался этими заграничными изделиями, выгодно отличавшимися от тех, что производили советские заводы.

Через несколько дней после начала сенокоса приехали женщины и девчонки сгребать сено, копнить и метать в стога и ометы. Дедушка Миша научил меня, как обхватывать веревкой копну сена и, привязав концами за хомут, тащить ее к стогу. Отвязав один конец веревки, трогаешь лошадь, веревка выдергивается, и едешь за следующей копной. Работа идет в темпе, чтобы свежее душистое сено не попало под дождь.

Односельчане о Чурочкиных

Одни по-прежнему ксят, женщины с граблями сгребают высохшее сено в валы, затем в копны, пацаны на лошадях подтаскивают копны к стогам и ометам. Всем этим процессом руководят деды, такие, как дедушка Миша и другие, соревнуясь в качестве выполняемой работы.

Возвратившись с сенокоса, вступаем в уборочную страду и опять постигаем науку под руководством Михаила Яковлевича в укладывании снопов в скирды для последующего обмолота на молотилке. И так, под руководством дедов, с первого до последнего дня Великой Отечественной войны я в перерывах между уроками, а особенно в летние каникулы, постигал науку нелегкого крестьянского труда, к сожалению, практически не оплачиваемого.

Когда говоришь нынешним молодым людям о бесплатном рабском труде, они не верят, как это могло быть. Просто по какой-то странной инерции люди старательно выполняли бесплатно тяжелые работы со своими инструментами, в своей одежде и обуви, как говорили, на своих харчах. Было как великий праздник, если председатель колхоза на сенокос выделит пшена и какого-либо мяса, которое не уваришь.

А уж о питании и говорить нечего. Помню, когда приехали девушки сгребать сено, одна из них кричит мне: «Сергей, тебе мама гостинец прислала!» и передала мне белый холщовый мешочек, сказав, что там хлеб. Когда я открыл мешочек, то из него посыпались крошки желудевого хлеба. Пока его везли, он из-за отсутствия в нем муки рассыпался. У меня в горле застрял комок, и брызнули слезы.

Во время косьбы на Борковском лугу косарей иногда ожидали и приятные сюрпризы, как, например, гнезда диких пчел, которые мы тут же разоряли, а мед собирали в кружку по совету дедов, чтобы подсладить вечерний чай. Или другой сюрприз – клубничные поляны, попавшиеся на ряду, привлекали всех, и старых и малых, спелыми ароматными ягодами.

Кстати сказать, чай мы пили и утром, и вечером, заваривая богоявленской травой, растущей на опушке близлежащего леса, а иногда и целым букетом, прибавляя к богоявленской траве зверобой, тысячелистник.

Уборочная страда по сравнению с сенокосом, чем-то похожим на красавец праздник, была более тяжкой: косить рожь или пшеницу крюком удовольствия мало, тут нужна сила. Но нас, таких худосочных юнцов, оберегали деды и женщины, предлагая работу полегче.

А главное, прия на поле, все работники садились, перетирая собранные колосья в руках и провеивая на ветру, получали зерна, утоляющие голод. Большим счастьем было, если поблизости от места работы находилось гороховое поле или вика. Наевшись такого подножного полевого корма, принимались за работу.

Михаил Яковлевич учил меня и других, кто возил снопы на телегах к молотилке или к скирде, как правильно навить воз, чтобы снопы не упали, не потерялось зерно.

Многое вспоминается из тех трудных военных лет и многие люди, простые труженики, окружавшие меня, помогавшие добрым словом и советом преодолевать многие трудности в жизни и в труде, приговаривая: «держи нос по ветру, уши топориком, а хвост пистолетом».

По окончании всех полевых работ, глубокой осенью, приходилось ходить по улице со стукалкой в составе одного деда и двух пацанов. Когда в группе был Михаил Яковлевич, то можно было услышать от него много интересного о жизни, о приметах погоды, поведении птиц и животных. Это теперь развелось множество СМИ, а в те годы была только газета – районка «Советская деревня» да «сарафанное радио».

В конце пятидесятых годов прошлого столетия во время моего отпуска состоялась последняя встреча с Михаилом Яковлевичем на Грязновке во время прогулки. Узнав меня, Михаил Яковлевич обратился ко мне: «Здравия желаю, господин офицер!». В тон такому обращению я ответил: «Здравия желаю, Михаил Яковлевич!». Беседовали как старые знакомые, вспоминая о совместной работе в годы войны.

В семье М.Я. Чурочкина жил ваш будущий родитель Григорий Кузьмич, просто Гриша (прозвище «Бешеный»), отчества я не знал и поэтому считал его

Односельчане о Чурочкиных

сыном Михаила Яковлевича. Мне запомнились три эпизода из общения с Григорием Кузьмичем.

Первый. Перед войной он работал избачом в избе-читальне, где писал плакатным пером разные плакаты, агитки, лозунги. Я состоял в редколлегии стенгазеты школы «За учебу», главным образом писал от руки всю стенгазету, обладая каллиграфическим почерком. А для того, чтобы оформление улучшить, меня направили к избачу, Григорию Кузьмичу. Он научил меня владеть плакатным пером, за что я ему благодарен всю жизнь, т.к. этим ремеслом занимался до окончания школы, потом в армии, пока учился в военном училище в течение трех лет, не имея заместителей при оформлении стенгазет и боевых листков.

Второй эпизод, о котором пойдет речь, произошел на посиделках у тетки Саньки - («Бондарихи») в конце войны, где мы коротали время в холодные зимние вечера. Однажды на посиделки зашли на огонек двое молодых мужчин, одетых в форму английского покрова, из прекрасного материала цвета хаки, состоявшую из френча, брюк навыпуск, добротных ботинок. Мужчины рассказывали о войне, как они, находясь в плену, были освобождены англо-американскими войсками и отпущены на Родину.

Вскоре эти мужчины исчезли, так как все побывавшие в плену в годы Великой Отечественной войны считались неблагонадежными, а то и врагами народа. Одним из этих мужчин был Григорий Кузьмич Чурочкин.

Третий эпизод тоже связан с Кермисью. Мой отпуск совпал с Днем Победы, когда я оказался в Кермиси, может быть, это было в начале 80-х годов. Случайно встретившись с Анастасией Алексеевной, я был приглашен отпраздновать этот великий день вместе с фронтовиками в доме Чурочкиных (в прошлом - доме Памшевых). Кроме хозяев, был Михаил Иванович Колесов, бывший директор школы, и еще несколько мужчин и женщин, участников войны.

Несколько слов о вашей маме, Анастасии Алексеевне. Я мало общался с Настей. У меня в памяти осталась симпатичная девушка с пепельными волосами. Жила на Замараевке. По окончании войны вернулась домой еще более симпатичной, а главное, сохранившей честь и достоинство. Военная форма в те годы была самой модной одеждой, украшавшей и Анастасию Алексеевну.

Что касается встречи в начале 80-х прошлого века на праздновании Дня Победы, то я увидел домовитую, приветливую хозяйку, в доме у которой было всем хорошо.

Больше всего Чурочкиных поселилось на Грязновке, самой привлекательной улице в Кермиси. Не зря ее называли при Советской власти Первомайской. Правда, старожилы рассказывали, что до колханизации, когда в каждом доме были лошади, коровы, телеги, улица соответствовала своему названию. После она превратилась в Первомайскую и была таковой до тех пор, пока не развернулось очень много тракторов и автомашин с высокой проходимостью, они опять превратили улицу в соответствие с прежним названием.

Назвав ее именем Николая Андреевича Копытенкова, кермисинцы воздали должное своему земляку, герою Советского Союза.

За Инделем, по правой стороне за два дома от Бирюкова заулка, жил Панкрат Васильевич Чурочкин, которого прозвали «Домкрат» за его недюжинную силу. Он был крепким хозяином, таким кряжистым мужиком, смуглолицым, с черной шевелюрой, таким он мне запомнился.

Перед войной он построил большую избу-пятистенку из добротного леса, покрытую щепой, на которую заглядывались прохожие, любуясь ладной постройкой. Перед избой, напротив, через улицу, на углу с переулком стоял большой амбар, тоже пятистенный, с двумя входами, сложенный из самана, материала, редко применяемого в наших краях. Блоки самана изготавливались вручную из глины с добавлением рубленой соломы. На Грязновке из таких блоков было еще одно строение - дом Копытенкова Андрея Григорьевича, в котором впоследствии жила семья Полозкова Александра Ивановича.

Панкрат Васильевич работал в колхозе, а в годы войны производил скипидар на заводике, воздвигнутом властями за огородами, на луговине, где Индель впадает в реку Кермись. Для производства мы возили сосновые пеньки из леса, где было их видимо-невидимо. Заводик однажды сгорел и больше не восстанавливался.

Односельчане о Чурочкиных

По окончании войны и освобождении острова Сахалин (южной его части) от самураев, Панкрат Васильевич завербовался туда, в чем его поддержали еще несколько семей, в том числе наш сосед Ромашкин Александр Андреевич (прозвище «Мазан») со всей семьей и младшим братом Николаем. Видимо, надоело людям влачить нищенский образ жизни в Кермиси, где работали за «палочки», жили только за счет огорода и кое-какого хозяйства, обложенного налогами. Такую кабалу не все выдерживали, но и вдали от малой родины несладко жилось, и поэтому все завербованные вскоре вернулись восвояси.

В семье Панкрада Васильевича было много детей, но я запомнил троих: Михаила Панкрадовича, Андрея Панкрадовича, Ольгу Панкрадовну.

Михаила Панкрадовича я мало знал, но при встречах здоровался, мы о чем-то беседовали, особенно во время моих отпусков. Жена его, Любовь Семеновна, работавшая в годы войны наравне с мужиками, в начале девяностых годов помогала мне (выступала свидетелем) в получении документов, подтверждающих мое участие в труде в годы войны, что давало право на льготы в соответствии с законом РФ «О ветеранах».

Андрей Панкрадович, работавший в школе учителем, жил от нас через один дом с Марией Федоровной Ромашкиной, тоже учительницей. Про таких, как Андрей Панкрадович, в селе говорили: «он пошел в дом к Марии Федоровне». Отец Марии Федоровны после коллективизации ушел из Кермиси на Илюхино, где работал в лесхозе, а в доме оставил Марию Федоровну, ее сестру Нюру (олигофренку) и брата Кузю (прозвище «Сверчок»). Нюра была в качестве домработницы, что вполне устраивало учителей и Кузю, учившегося в школе.

У Андрея Панкрадовича и Марии Федоровны было несколько детей. Я же запомнил Володю («Волудок-жолудок») и Женю. В этом доме был патефон и грампластинки. В летние вечера хозяева выставляли патефон на окно, заводили, и голос Руслановой звучал на весь конец Грязновки, собирая под окнами женщин и ребятишек, слушавших музыку из диковинного ящика. Все это происходило в конце тридцатых годов, перед войной. Сельская жизнь протекала в какой-то дреме и спокойствии, которое потом внезапно нарушилось 22 июня 1941 года.

Андрей Панкрадович, как и многие другие мужики, был мобилизован на войну, а вернувшись, не допускался к работе учителем из-за того, что побывал в плену.

Из семейства Панкрадовичей я помню Ольгу, видную симпатичную девушку. Имея небольшую разницу в возрасте, мы часто видели друг друга, так как жили на одной улице, играли в одни игры, а в летние вечера встречали стадо, чтобы вовремя заманить во двор своих овечек, Неделек, Красавок, выполняя таким образом домашнее поручение.

. Спустя многие годы я, будучи в Кермиси, бродил с фотоаппаратом по окрестностям и на Новом поселке встретился с Ольгой, уже замужней женщиной. Она просила сфотографировать гостивших в доме детей и внуков, где мы встретились с ее мужем Василием (прозвище «Блинохват»), который показывал усадьбу крестьянина 70-х годов прошлого века и свое увлечение – изготовление прялок (самопрях) для бабушек, для чего у него была хорошо оснащенная мастерская. После фотографирования пили чай с медом, произведенным кермисинскими пчелами под неусыпным руководством Василия Курносова.

На Ковалевке жил Евсей Иванович Чурочкин, родной брат Ефима Ивановича, нашего соседа по Нахаловке. О нем у меня смутные воспоминания, а о его сыновьях Евсее, Серафиме и Пете я кое-что помню.

Старшим из них был Серафим, которого я в детские и юношеские годы не знал, а встретился в 60-е годы, будучи в отпуске.

Отпуск в Кермиси всегда был трудовым – надо было помочь маме то дров заготовить, то что-то починить. Вот и на этот раз мама попросила наладить топоры, сделав новые топорища, а заготовок клена, из которого у нас всегда выстругивали их, не было.

Мама посоветовала обратиться к Серафиму Евсеевичу, работавшему в то время плотником и руководителем бригады мостостроителей. Придя к Серафиму Евсеевичу, я отрекомендовался и изложил свою просьбу, на что он живо откликнулся и подарил мне две заготовки клена для топорищ.

Односельчане о Чурочкиных

Немного побеседовали, как всегда, о жизни, о войне и мире, о кукурузе и других чудесах того времени в стране под руководством Н.С. Хрущева. Серафим Евсеевич оставил у меня впечатление порядочного хозяйственного мужика, ведущего трезвый образ жизни.

Его следующим братом по возрасту был Евсей Евсеевич, Евся-драчун, наводящий страх на ребят, любивших подраться. Обычное явление. В начале зимы происходили сражения в снежки между зареченскими, т.е. с Ковалевки, Нового поселка и Замараевки, с нашими, с Грязновки и Среднего Плана. Они начинались с безобидных снежков между мальчишками, задиравшимися для начала, и кончавшимися потасовками с участием взрослых ребят, а иногда и мужиков. Евся у зареченских был вожаком, а у нас Коля Мохначев («Кагап»).

Иногда стороны для замирения договаривались выставить от себя по одному бойцу и по их схватке разрешить конфликтную ситуацию. Вот в таких случаях со стороны зареченских Евсе замены не было, он побеждал в большинстве таких единоборств, славный был боец!

А среди взрослых мужиков, наблюдавших за сражением, были недовольные, осуждавшие наших за трусость и вдохновившие на новые подвиги. Особенно воинственным был наш сосед дядя Андрей Ромашкин (глухой), не переносивший трусости грязновских ребят, много рассказывавший о кулачных боях в бытние времена.

Третий из Евсеевичей был Петя («Курыш»), маленького роста, мне кажется, он из-за этого и в армии не служил даже в годы войны, а может быть, я ошибаюсь.

«P.S.» Когда вспоминаешь о людях, с которыми был как-то знаком, нельзя отделить эти воспоминания от Кермиси, села с такими оригинальными названиями улиц, заулков и переулков: Большой План, Средний План, Юровка, Грязновка, Ковалевка, Замараевка, Нахаловка; Больничный поселок, Новый поселок, Плотина, Бирюков заулок, Панкратов переулок, Памшев переулок.

А дороги, уходящие из Кермиси во всех направлениях: Борковская, Боголюбовская (Пичельская), Конобеевская, Шарышная (Шариковская), Громовская, Львовская, Сласская, Надежинская и Косенькая. Представляю, как по великим праздникам стекались люди на звон колоколов храма Иконы Скорбящей Божией Матери или по определенным дням на базар в центре села. Поля и луга, на которых приходилось пахать и косить: Мушкамаево, за Осмолем, за Кучером и др.

Теперь многие из названных полей вновь заросли лесом, приблизившимся к огородам селян, а с каким трудом их отвоевывали у леса наши предки Чурочкины, Редичевы, Мохначевы, Полозковы, Крысины, Курносовы, чтобы сеять и выращивать хлеб.

С. Т. Редичев.

г. Долгопрудный
март 2003 года

Письмо моей мамы

За десять лет работы по поискам корней своего рода удалось обнаружить многие интересные факты. Но одной из начальных точек этой работы стало письмо от 6 декабря 1993 года, полученное из Кермиси, от мамы Анастасии Алексеевны Чурочкиной (урожденной Косицыной). В письме она по моей просьбе рассказала о родителях и родне моего отца. Это письмо стало очень важным этапом в дальнейших поисках корней своего рода.

При внимательном знакомстве с книгой без особого труда можно обнаружить, что все мои родственники, упомянутые в данном письме, включены в родословную Чурочкиных, и на большинство из этих родственников уже есть документальные подтверждения из архивов. Письмо Анастасии Алексеевны можно считать связующим звеном между предками, забытыми временем и возрожденными из архивных документов, и родней, о которой мне приходилось слышать в детстве. Происходит как бы оживление во времени.

Вот это письмо.

«Теперь отвечаю на твои вопросы, как по-иню. Яков - отец Михаила. У Михаила была сестра Степня. Еще были сестры или братья у Михаила, я не знаю. У Михаила был сын Кузьма, родной, а не приемный, как тебе сказала теща.

Еще была дочь Анна, т.е. сестра Кузьмы, умерла в возрасте 16 лет, не знаю, с какого она года и в каком году умерла. Были ли еще дети у Михаила, не знаю. Кузьма был отцом вашего отца Триши, в 1920 году был взят в армию, не знаю, в какую, белую или красную.

Умер в городе Карабчеве (Брянской области) или от голода или в тифу, не помню рассказ деда Михаила. В то время какое-то было принужденное гонение за них, родители пробовали их откупить, или скрыть, по-видимому, это не удавалось.

Отец ваши Триша родился без его присутствия, и они друг друга не знали. Мать Мария Тришинна жила вдовой у Чурочкиных Михаила и Прасковьи 9 лет, потом вышла замуж в Спасск на троих детей, тоже за вдовца Колесова Зота Васильевича, я его видела один раз еще до войны, его также убили на войне.

Мать Мария осталась опять вдовой. Шесть детей было у нее от Зота Васильевича, да три неродных (одного из них тоже убили на войне). Поэтому мать Мария Тришинна была тещей бабушкой, а девушки были Кузьма, прадедушкой был Михаил, праправа-дедушкой был Яков, отчества его не знаю».

Из письма Чурочкиной А.А.

Отец твой Триша не знал отца, Кузьмы, очень обижался на бабушку Прасковью и дедушку Михаила, что не было его фотографии (Кузьмы), но Кузьма родной сын Михаила и Прасковьи, а не приемный.

Теперь бабушка Прасковья, которая проживала у нас, тёсся она пра-бабушка (жена Михаила). А еще была жива, когда ты был маленький (9 месяцев) пра-пра-бабушка Ольга, жена пра-прадедушки Якова, она еще тёсся нянчила. В возрасте лет 10-12 ты часто бегал к ним, к Чурочкиным, деду Михаилу и бабушке Прасковье, они тёсся очень любили и были рады, когда ты бывал у них.

Вот что я знаю и помню из рассказа о детстве Чурочкиных, больше спросить не у кого, все умерли. Остались теперь только мы продолжатели рода Чурочкиных...»

Керлинсъ, 6 декабря 1993 года.